

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ИММУНИТЕТ

ЗНАХАРИ АТАКУЮТ

На страницах «Народного образования» мы уже обращались к теме миражей и маяков в пространстве отечественной культуры, чтобы определить свои, субъективные, ориентиры в широком информационном поле. Нынешнее размышление — тоже о пространстве современной российской культуры. Разговор пойдёт о тревожных явлениях, но при этом мы должны ощущать и высшее по иерархии чувство — жизнелюбие. Да, культура просвещения в современной России оказалась в угрожающем положении. Напрашиваются аналогии с шахматными терминами, означающими тупик, кризис процесса — цугцванг, пат. Но будем помнить и о том, что нам дано счастье жить в лоне русской культуры, в пространстве русского языка. Страшно только, что это пространство сужается. Обратим внимание на знахарей от публицистики, тех, кто предлагает обществу лёгкие рецепты, кто своим самоуверенным иррационализмом напоминает чернокнижников. Они стали востребованными, когда, по Есенину, «Ещё закон не отвердел, / Страна шумит, как непогода, / Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода». Мы не будем судить своих оппонентов со слепой беспощадностью. Такая повадка как раз присуща им, детям смут и безвременья.

**Арсений
Замостьянов**

Вера в науку нынче непопулярна. Не только физики, но и лирики в растерянности уступают плацдарм за плацдармом гвардии бесшабашных дилетантов — авантюристов, которых почему-то называют «эффективными менеджерами». Разрушительный эффект и вправду — «как Мамай войной». Любое значимое общественное явление в первую голову проявляется в школе. И учителя, как авангард просвещения, первыми приняли на себя удар. И школьники, и родители поняли свободу как право не считаться с авторитетами, всё подвергать не просто сомнению, но уничтожению. Исчезло доверие к точному знанию. Считается, что личного успеха можно достичь индивидуальными усилиями, «фанатизмом», а не последовательными упражнениями. Есть известный исторический анекдот, в котором Суворов произносит афоризм: «Каждого интенданта через пять лет службы нужно расстреливать». Нередко возникает желание переиначить эту максиму, применить её к современным менеджерам. Так сложилось, что в России их деятельность чаще всего противоположна интересам страны и народа, их существование предполагает постоянные искушения, нескончаемые грязевые ванны.

И, как у суворовских интендантов, без липких ладоней (с поправкой на эпоху и статус) им не выжить. Но самая муторная трагикомедия начинается, когда интенданты, возомнив себя стратегами, вещают с высоких трибун и решают судьбы Отечества. Характерная биография наших дней, как будто сочинённая Салтыковым-Щедриным: человек получил образование в одной профессии, сколотил капитал во второй, а нынче верховодит в совсем иной, третьей, сфере... И даже испытывает некую гордость, гордость дилетанта, что сумел «вникнуть» в новое ремесло в «сжатые сроки». Это, дескать, необходимо в наш век космических скоростей и всеобъемлющих информационных технологий. И таких универсальных организаторов нынче в десятки раз больше, чем оторванных от своих профессий партийных функционеров в прежние годы. Так неужели наступает время дилетантов? Или это — самообман временщиков, цепляющихся за амбиции, за вырванное у смутного времени благополучие?

* * *

В смутные дни и годы великих потрясений особенно притягательны *нетрадиционные, иррациональные* идеи. Это не удивительно: общественным катаклизмам всегда сопутствует борьба с традицией, а нередко — и со здравым смыслом. Александр Янов в начале девяностых сулил России экономическое возрождение при одном условии: нужно было вырыть из сибирской земли и продать гигантский стратегический кабель, зарытый там на случай ядерной войны. Вот ведь какая лёгкая панацея! Но тому же Янову принадлежит прозорливое определение России 1990-х: «Веймарская». Кризис народного самосознания, оскорблённое чувство имперской гордости — всё это и вправду создаёт благоприятную ситуацию для экстремизма. Но есть у агрессивных знахарей и метафизический, если угодно, эрзац-духовный фундамент. На излёте XX века появился многозначи-

тельный термин, которым нередко объясняют и оправдывают проявление животных черт в современном человеке — *постхристианская эпоха*. Разговоры о постхристианской эпохе упираются в апологетику новых, или попросту возрождённых и модернизированных в XX веке, учений и мистических практик. Некоторые из таких учений имеют русскую генеалогию — и потому нуждаются в нашем особенно внимательном анализе. Так, не первое десятилетие в России популярен художник и мыслитель Святослав Рерих. Он родился в необыкновенной семье. Молодость прошла в пышных декорациях обожествления родителей — Николая и Елены Рерихов. Их окружение — последователи мистического учения Агни Йога — несомненно, относились к своим учителям как к божественной паре, а заповедь «Не сотвори себе кумира» была писана не для них. Но начать разговор о Святославе Рерихе следует с его истоков — с России, с Петербурга...

Святослав Николаевич родился почти ровно век назад, 23 октября 1904 года в столице Российской империи, в те годы не знавшей нового календарного стиля. Его отец — Николай Константинович Рерих — к тому времени уже был известен как художник и самобытный литератор, придававший своим видениям не только живописную, но и стихотворную форму. Дореволюционное творчество Николая Рериха неотделимо от художественных поисков Андрея Белого, Сергея Конёнкова, Николая Клюева. Они черпали вдохновение в русской старине, в северных сказах, в фольклорной мистике. Мать Святослава Рериха — Елена Ивановна, урождённая Шапошникова, происходила из знаменитого рода Голенищевых-Кутузовых, унаследовала боевой дух предков. Она проповедовала учение мужа с особой страстью.

С 1914-го по 1916 год Святослав Николаевич учился в гимназии К.И. Мая, именно там он получает первые, незабываемые уроки рисования. Рерихи посто-

янно навешают святыни Древней Руси — отец брал сына в археологические поездки. Домашнее образование в области истории искусства, истории России, которое получил Святослав Рерих, стало основой его мировоззрения. В истории искусства нелегко найти пример такого почтения к образу отца: Святослав Николаевич рано проникся своей миссией — продолжать отцовские поиски. В тринадцатилетнем возрасте, в Финляндии, он пишет своё первое серьёзное произведение — конечно же это был портрет отца... Образ Николая Рериха навсегда останется центральным в творчестве сына. 1917 год Рерихи провели в Финляндии, в непосредственной близости от колыбели Октября. В 1918-м им не верилось, что советская власть, к которой Николай Рерих отнёсся с противоречивой неприязнью, закрепится в России «всерьёз и надолго».

Пройдёт несколько лет и Николай Рерих убедится в политической эффективности советской власти.

Первое послереволюционное десятилетие Святослав Рерих проводит в Великобритании и США, получает образование, не забывая и об уроках отца, который в эти годы организует знаменитую Трансгималайскую экспедицию. До экспедиции Святослав Николаевич как художник помогает отцу в работе над декорациями к операм «Снегурочка», «Садко», «Князь Игорь». Сказка, таинственный мир чудес — всё это стало стилем С.Н. Рериха. В 1923-м, в Нью-Йорке, в галерее Ардан прошла первая персональная выставка молодого художника из России.

Наконец, в 1926 году Рерихи прибывают в Советский Союз со знаменательной миссией — передать Советскому правительству ларец с гималайской землёй, «Послание махатм...» и цикл картин. К тому времени Святослав Николаевич уже был видным теоретиком отцовского учения. «Послание...» восхваляло ленинскую доктрину: «Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником

предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков жизни. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага!» Эстет и гедонист, нарком Чичерин, усмехаясь, отложил послание в «долгий ящик». Но он понял, что Рерихов можно и нужно использовать в дипломатических играх с великими восточными державами. Встреча Рерихов с другим наркомом — Ф.Э. Дзержинским — не состоялась по причинам, которые апологеты Агни Йоги объясняли мистическими обстоятельствами: первый руководитель ВЧК скончался в день уже назначенной аудиенции...

Из СССР Рерихи вернулись в Гималаи, а Святослав Николаевич последовал через океан в Колумбийский университет. Позже, с начала тридцатых годов, родиной души для Святослава Рериха стала Индия. Там он нашёл своё призвание — вглядываться в перспективы тибетских гор, прислушиваться к голосам древнейшей культуры. Шестьдесят лет художник прожил в провинции Траланор, создавая пейзажи и портреты...

Дружба с Индией, политическое, экономическое, культурное сотрудничество было, пожалуй, самой яркой победой советской дипломатии 1970-х годов. Вклад С.Н. Рериха в укрепление советско-индийской дружбы не оценим. В то время Рерихи были уникальным явлением в среде русской эмиграции первой волны: они не прерывали связей с Родиной. В 1960-м и 1974-м в Москве с шумным успехом проходят персональные выставки С.Н. Рериха. Но расцвет взаимо-

отношений С.Н. Рериха с Советским Союзом пришёл на годы перестройки. М.С. Горбачёв с удовольствием цитировал миролюбивые призывы русско-индийского старца, а в программе «Время» «хозяйка культуры» центрального телевидения Нинель Шахова восторженно рассказывала о рериховских выставках и встречах. Рериха избирают почётным академиком Академии художеств СССР.. Лавры всемирно известного художника можно перечислять без конца: лауреат Международной премии имени Джавахарлала Неру, почётный член Болгарской академии художеств... Святослав Рерих был удостоен высшей индийской государственной награды — «Падша-Бхушан». В Индии Святослава Рериха при жизни признали национальным достоянием и художником XX века. Пейзажи Тибетских гор, написанные им, считаются символами страны. Надгробия, сооружённые в память о Святославе Рерихе и его жене, звезде индийского кино Дивике Рани, стали объектами поклонения паломников.

Живопись Святослава Рериха оставляет сладковатое послевкусие. Такова была философия художника — открывать душу позитивному, светлому. Кажется, в этой системе нет места конфликту, борениям и страстям. Есть только безмятежная гармония природы. Конечно, это иллюзорное впечатление. Последователей Рерихов, принявших сперва гуманистическую риторику, на следующей ступеньке «познания» ждут оккультизм и обожествление авторов учения. Такова ситуация: в годы идейного кризиса вакуум «духовности» и «философии жизни» заполняют талантливые знахари. Это показательно не только для конфессий и сект, но и для просвещения.

* * *

Сказано: худой мир лучше хорошей ссоры. К сожалению, эта поговорка так и осталась не услышанной нашими современниками. Поиск компромисса не стал доминантой нового времени, а ведь именно в нём видели призвание идеального государя древнерусские летописцы. Сюжет «призвания варягов», в котором радикальные до слепоты патриоты видят унижение Руси, наделён богатым смыслом. И он вовсе не состоит в недооценке русского таланта и прославлении инородцев. Соседние варяжские, финно-угорские и тюркские племена на заре русской государственности вовсе не воспринимались летописцем как инородные и чужие. Смысл сюжета в *умиротворении смуты*. Народ выбирает сильное государство, проявляя невиданную ранее консолидацию — ради общей цели. И противопоставлять государство народу, как это делают иные современные публицисты, — дело наивное, никак не связанное с русской традицией.

Вот отброшена идея сильного государства — и на первый план выходит свободная личность, если угодно, искомым многими представитель среднего класса. Образован, контактен, привык к комфорту, прекрасно адаптируется к реалиям меняющегося мира. Современный человек. Но и ему нелегко в России. Он даже несчастнее других, как милейший журналист Лев Данил-

кин, пишущий о книгах в глянцевых журналах. Именно он от имени чистой публики — среднего класса — выступил со своеобразным ультиматумом: *«Средний класс сталкивается с «этими людьми» — другими, чужими и неадекватными — на каждом шагу. Можно назвать «их» пролетариями. Некто, другой мой знакомый, тоже из новой буржуазии, приобрёл квартиру в хорошем районе, но в старом доме. В соседях у него оказались «синяки», со всеми их бытовыми мерзостями. Приятель пригорюнился: увещевать эту шушеру бессмысленно, и даже демонстрация кулаков действует на них только до той поры, пока они трезвы. Дальше им плевать. Именно поэтому я хотел бы жить в государстве социального апартеида. В котором действовал бы закон, защищающий буржуазию от пролетариата. Чтобы несколько районов были объявлены резервациями, в которые пролетариям доступ закрыт — как грузовикам свыше 3,5 тонн на Садовое. Что делать с пролетариями, которые не собираются продавать квартиры внутри этих резерваций? Депортировать. С выплатой стоимости жилья по рыночной цене. В обмен на принятие такого закона я согласен терпеть высокие налоги. ОНИ, я согласен, пусть не платят ничего; пусть получают субсидии. Но пусть не попадают мне на глаза, по крайней мере, в моём жизненном пространстве. На самом деле социальный апартеид существует и сейчас. Людей из пятиэтажек в центре выселяют в Бутово. Некоторые оттягиваются прочь сами. Есть даже и резервации, Рублёвка, например; но это история уже не про средний класс. Депортации de facto были частым явлением в начале 90-х. Я слышал рассказы риэлторов о насильственных расселениях: «Ставил я им ящик водки, мешок картошки, врезал железную дверь и запираю на неделю. Потом подгонял грузовик, и все*

как миленькие ехали в Коломну или Александров...» Но буржуазия отличается от скинхеда и бандита тем, что действует по закону и не допускает прямого насилия. Хотелось бы, чтобы антипролетарские законы были приняты официально. Отчего среднему классу не пролоббировать их — открытым текстом, без ханжества. Победители имеют право на привилегии.

Увы, такого рода апартеид — утопия. Как отфильтровать на законных основаниях остоженского пролетария от остоженской старухи-филологини, которая доживает свой век на пенсию в 2000 рублей? Её что — тоже выпереть с Остоженки в Бутово? Ответить на это «да» — значит, тоже продемонстрировать психическую неадекватность, это уж вроде как фашизм. Формальных признаков, по которым можно было бы выявить социально неадекватных типов, не существует. Я искренне сожалею, но изгнание «пролетариев» невозможно. Что остаётся среднему классу? Изюм всех сил вращать эту социальную центрифугу, усиливая исторические центробежные силы, которые рано или поздно вынесут «пролов» в Гарлемы. Пусть ОНИ получают не бесплатные услуги, а деньги на услуги, чтобы ОНИ тратили их на другое, согласно своей природе, и оказывались без света и без штанов. ОНИ социально неадекватны и рано или поздно проколются на этом. Знайте, весёлые соседи: вы проиграли. Вы атавизм. Вас не трогают только до тех пор, пока есть этот живой щит — интеллигентная старушка с Остоженки. Время пошло». Как это похоже на классическое: «У них нет хлеба? Ну и что, пускай едят пирожные». А пирожные, конечно, растут на деревьях, как и все аксессуары «среднего класса» офисной шляхты. Показательный комплекс: «сырьевой» России не нужна индустрия и певец новорусского благополучия морщит нос от рабочих, от их пова-

док, от их запаха... Вот ведь каким галсом пошли наши комифо — и, если вдуматься, в откровениях этого примоднённого экземпляра нет ничего удивительного. Всё логично. Общество подталкивают к отказу от человеческого облика, от воспитания, от культуры, а заодно — и от независимой экономики. На что надеется Данилкин? На «заграница нам поможет», на многолетнее сытое иждивенчество. Не прогадал бы. Рефлексы и инстинкты, выпущенные на свободу, — это как обратный словарь дарвинизма, ожившая антиутопия в духе Свифта или Уэллса. Нам говорят: это — «утруска» прогресса, дань «дикому капитализму», за которым, надо думать, последует капитализм очищенный, ответственный, а там уж и «развитой с человеческим лицом». Но ведь эти стадии мы уже проходили в годы социалистического строительства! И сталинская индустриализация с коллективизацией и культурной революцией была ни чем иным, как «диким социализмом», когда прорыв осуществлялся эффективно, без оглядки на жертвы. Из дикого социализма Советский Союз вышел сверхдержавой и позже эволюционировал в сторону «общечеловеческих ценностей» не менее успешно, чем другие цивилизации. Для нового разрушительного дикого капитализма потребовался демонтаж советской цивилизации, а это означает прямое оскорбление памяти нескольких поколений наших соотечественников, и в первую очередь — жертв «дикого социализма». Чтобы не понимать этого, нужно быть иностранцем в своей стране или просто иностранцем. После всех испытаний XX века мы не имеем права на радикализм, на жестокость, на снобистскую злость, которую демонстрирует глянцево-журналист.

* * *

Респектабельные районы Москвы сейчас напоминают квартиру мошенника. Дорогие безделушки, коробки самых престижных фирм, запах табака и коньяка — но всё хаотически навалено по углам квартиры. Он ведь — человек проезжий, нигде не укоренённый. Всё — в спешке, транзитом, сегодня — здесь, а завтра — там... И нельзя ни к чему привыкать, привязываться — ведь вор должен быть готов удариться в бега... Так и Москва внутри Бульварного кольца — роскошные витрины, яркие вывески, чистая публика, а у порогов дорогих заведений (нет, это не преувеличение, это непосредственная корреспонденция с Дмитровки и Воздвиженки) — лежбища нищих бомжей. А разрушение привычных, знаковых московских зданий ради чьих-то тайных выгод — разве это не насмешка над многодетными семьями, ютящимися в тесных квартирах? Кого-то, значит, не устраивает гостиница «Москва» и «Россия» — и тогда они взрывают мраморные лестницы, разрушают старые стены, уничтожают барельефы, а вместе с ними память о прежних эпохах... «С жиру бесятся» — резюмирует народ. Москва всё явственнее смотрится столицей временщиков. Есть, конечно, и отрадные перемены: город стал светлее, появилось несколько

удачных архитектурных стилизаций, восстановлено и отреставрировано немало храмов, но нельзя молчать и о грустном! Вот и гостиница «Москва», по сообщениям отцов города, будет восстановлена по чертежам Щусева, но в более веселеньких цветах. Мрачноватые тона отчего-то пугают наших чиновников. Видно, им по душе ярмарка, а от суммы да тюрьмы не зарекаются...

* * *

Россия — страна людей бережливых. К тому располагают наш суровый климат и сформировавшаяся веками этика умеренного достатка (именно достатка, в противоположность крикливому богатству). Исключения из этого правила вызывали народный гнев, упрощённо трактуемый западниками как зависть. Помните песенного «ухаря-певца», из-за которого «дочка-красавица на зорьке пришла, а девичью совесть вином залила». Желающие привить России «протестантскую этику» почему-то считают нашу культуру эдаким «дичком», целиной, пустой строительной площадкой. Между тем в России никогда не было олигархии, никогда у штурвала государства не стояли крупные частные собственники. Если в США именно этот круг людей кровно заинтересован в процветании государства и сохранении стабильного развития, то в России бизнесмены-собственники не сумеют заработать моральный авторитет. Потому, что у нас уже давно сложилась самобытная этика, далёкая от протестантской. Быстрое обогащение и возвышение собственников воспринимаются как нечто рискованное и преступное всеми субъектами процесса, включая самих собственников... Поэтому и поведение новых хозяев жизни бьёт в глаза безответственностью. Они — сознательные временщики, их процветание на фоне общей деградации — это жизнь на вулкане. Авторитетный эксперт, заместитель директора Института комплексных исследований РАН пишет об этом явлении: «Человек понимает, что у него не просто

мало денег, а он перешёл черту, на которой написано: «Оставь надежду всяк сюда входящий». В настоящее время, судя по нашим данным, в состоянии эксклюзии уже находятся 12–13% населения России и ещё почти четверть её населения находится на грани «чёрной дыры» эксклюзии. Это позволяет говорить о формировании в современном российском обществе особого многомиллионного слоя социально исключённых, которого в принципе не было в социальной структуре России ещё десять лет назад» (Тихонова Н. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы. // ИНДЕКС/Досье на цензуру. 2004. № 21). Из этого тупика можно выбрать-ся окольными путями, но среди них нет ни одного триумфального. Или — лопнувшее долготерпение народа и социальный взрыв, или — медленная деградация, ощутимое поражение в конкуренции с иностранными системами, истончение культурного слоя. Самое приемлемое, на мой взгляд, — это осторожная, постепенная реставрация основ нашей жизни, определивших успешные периоды истории России и Советского Союза. Приметой такой реставрации могут быть только компромисс и перестраховка. То, над чем смеялись социал-демократы начала XX века, — «Медленным шагом, робким зигзагом». И, конечно, в этом медленном караване не должно быть почтения к знахарству и алхимии, к изобретателям вечных двигателей и панацеи. В общественных, государственных делах необходима опора на науку и здравый смысл (вопросы души личность всегда решит в соответствии со свободой совести и культурными традициями). Страна нуждается в умиротворении, том состоянии, о котором князь Горчаков некогда сказал: «Россия сосредотачивается». Но для сосредоточения важно, чтобы интересы разных социальных слоёв не расходились, необходим гражданский мир — пусть даже это будет всё тот же плохой мир после хорошей ссоры...

Если кто-то из успешных молодых людей думает, что 10–15 миллионов нищих и столько же обедневших стариков — это маргинальный слой, который можно оставить за бортом «корабля современности», — он глубоко ошибается. Нищета пятой части населения России — это колокол, набат, который вещает о нашей общей гибели. Спасти, сберечь всех, кого можно сберечь, — это не только государственная, но и гражданская задача, стоящая перед каждым из нас.

* * *

Много шума в последние месяцы вызвали публикации журналиста Панюшкина. Пишет он убеждённо и заразительно; чувствуется, что автор сконструировал некую стройную систему и догматически уверен в её непогрешимости. Особенно поучительными были корреспонденции Панюшкина с мест «оранжевой революции», для которой он стал российским Джоном Ридом. «По-моему, я, как гражданин России, должен принести Украине извинения за отвратительное поведение моей страны. Я хочу сказать, что не все граждане России считают, будто Россия имеет право вмешиваться в дела соседнего государства. Я — не считаю. Я хотел бы видеть Украину свободной, даже если в свободной Украине меня будут ненавидеть как бывшего захватчика». С лёгкостью сказаны запретные, страшные слова. Слова, раскалывающие пространство истории, оскорбляющие память многих поколений. Слова, делающие бессмысленными терпеливые труды сотен талантливейших людей — сынов России и Украины, *соотечественников*, братьев по оружию, по вере. Эта статья — очевидно эмоциональная, небрежная — была написана с полным ощущением того, что Россия и Украина — противники, соперники, но ни в коем случае не части единого целого. Панюшкин и представить себе не может (или имитирует подобную слепоту), что московский Кремль может быть своим для украинца

из-под Полтавы, а Киево-Печерская лавра — для русского с Урала.

Нас ставят в ложное положение, представляя идею объединения выгодной только России, а имперские амбиции — исключительно русскими. Опыт Соединённых Штатов показывает, что огромное, сильное, многонациональное государство — это самая питательная среда для личной реализации человека любой национальности. А уж украинцы никогда не были обделены главными ролями в истории Российской империи и Советского Союза. Неизвестно, как бы сложились судьбы наших гениев, если бы они были лишены имперского резонанса, акустики большой страны.

Вскоре после украинского вояжа журналист заговорил с ещё большей горячностью: «Без национальной идеи нам будет легче жить. Ещё легче — без государства. России пора вразнос. Всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие воды, хантов или аварцев». И ведь подлость, выраженная в этих словах, держится на двух полюсах — на экспортном оранжевом либерализме и на домощенном шовинизме. С одной стороны, международные силы агрессивно навязывают всем культурам мира единый стандарт «американского мира». Россия не может не испытывать влияние этой идеологии. С другой стороны, как никогда силён в России голос национал-фундаменталистов, которые явно грезят о «русской аль-каиде» и раскачивают лодку, провоцируя межнациональные конфликты и вражду России с другими государствами. И то, и другое для России — симптомы болезни, результат ослабления государства. Бесноватые либералы против бесноватых же патриотов — печальная дилемма, не сулящая благополучных перспектив. И Панюшкин проклинает «нацию», но одного

важнейшего слова он даже не произносит. Знахари никогда не употребляют этого слова — Народ. И современные российские политики, власть имущие, в своих длинных и художественно выверенных речах всё реже и реже произносят это слово, заменяя его нехарактерными эвфемизмами. Как будто стыдятся посмотреть в глаза той традиции, которая их вскормила...

Публицисты наподобие Панюшкина, охваченные духом отрицания по отношению к родной стране, есть везде. И в Соединённых Штатах есть такие, кто аплодировал террористам 11 сентября... Это — эксцентрический выверт интеллигентского ума, игры затейливой психологии. Но нельзя поддаваться под влияние подобной эксцентриады. У наших потрясателей основ есть излюбленный довод — мы-де отделяем страну от государства, а Российское государство — первый враг нашей страны. Нужно уважать доводы оппонентов, но всё-таки скажу: это шулерские заклинания. Смешно идеализировать отечественную бюрократию, правительство и глав государства. Но само явление государственности для нашей цивилизации всегда было заветным, коренным. Так уж распорядилась история, что без государства не может быть и русского народа, а без уважения к государству — патриотизма. И это чувство не свести к банальному чинопочитанию. Слишком многим в России жертвовали во имя государства, чтобы относиться к нему с пренебрежением. И личное счастье в нашей стране невозможно на кладбище общих идеалов. Страна-то общинная, у нас не каждый сам за себя, а все друг за друга. Опыт последних пятнадцати лет, в том числе и опыт горький, показал, что в коллективизме напрасно видели механизм подавления. Когда из школы ушёл коллективизм, усилилась агрессия, началась «война всех против всех». А на таких войнах победителей не бывает.

* * *

Вот уже полтора столетия (если считать с Великих реформ 1860-х) не прекращается публичная дискуссия о роли государства в жизни общества. Судьбы власти, собственности и просвещения накрепко переплетены в этом споре. Для одних государство — это жандарм, ограничивающий гражданские свободы, для других — просветитель, обеспечивающий развитие цивилизации, нередко несовместимое с частными интересами «хозяев жизни», но необходимое большинству. Должны ли традиционные для нашей культуры идеи существовать в свободной конкуренции с идеями разрушительными? Выиграет ли общество от свободной конкуренции дипломированных врачей и энергичных знахарей?

XXI век сделал доступнее средства массового уничтожения, которое в руках агрессивного меньшинства может стать угрозой для всех. То же самое можно сказать и об убийственной, античеловеческой пропаганде — кто ограничит злонамеренное

влияние, если не государство? События последних месяцев показали, что и природные катаклизмы могут в течение суток скомкать жизнь ультрасовременного города. Ураган Катрина, превративший Новый Орлеан в «город мёртвых», стал для многих из нас предупреждением о необходимости сильного государства, ориентированного на народную собственность. Даже богатейшая страна мира, возвысившаяся благодаря успехам «частных интересов», оказалась бессильна перед лицом стихии, когда интересы элит не совпали с общественными...

Год назад российская власть прореагировала на трагедию Беслана, усилив централизацию. Для этого пришлось умерить гражданские свободы, о чём открыто заявил глава государства. Возможно, эти шаги станут началом многолетней тенденции, необходимость которой нужно объяснять людям. Конечно, на таком пути нас ждут новые Сциллы и Харибды. Высокомерие элит и ловкость проходимцев могут обратить идею сильного народного государства в реальную хунту.

* * *

Знахарство нельзя оправдать благими намерениями. Дилетанты, предлагающие нам экстравагантные «прогрессивные» сценарии, уверены, что найдут в России благодарную аудиторию. Они думают, что попали в овчарню — и впечатлительные овечки пойдут за ними, послушные гипнотической силе. Но мне вспоминается патетическая басня Ивана Андреевича Крылова, которую так любил фельдмаршал М.И. Кутузов:

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Смута отхлынет — и мы научимся управлять своими впечатлениями, полагаясь на здравый смысл, на навыки критического анализа. И увлечение знахарством — удел слабонервных, измаявшихся людей — не станет приметой нашего массового обихода. **НО**